

Елена Погорельская

Биография Исаака Бабеля: мифы и реальность

The Biography of Isaak Babel': Myths and Reality

Isaak Babel' seemed to put into practice in his everyday routine the method he used in his literary works, as facts and fiction constantly overlapped – just as it happened in his short stories and in his autobiography. In real life Babel' was discreet and prone to hoaxes, however he always dated his letters carefully and wrote down each time the place where the letter was sent from. The work on the biography of Babel' suffers from the absence of his archive, confiscated during the writer's arrest in 1939 and not yet found. Therefore, one of the main tasks of the biographer of Babel' is to separate what occurs in his tales from real biographical events. At the same time, it is interesting to see how real events were portrayed in his prose works. The biographer has no right to fill in the gaps of the writer's biography using imagination instead of concrete facts and documents, but the biographer should not treat such gaps with silence. Moreover, the biographer should not ignore all the blank spots or open questions, but rather use them.

В характере моем есть нестерпимая черта одержимости и нереального отношения к действительности.

Исаак Бабель.

*Из письма Анне Слоним,
7 декабря 1918 г.*

Эти слова сказаны двадцати-четырёхлетним Бабелем, но “нестерпимая черта” характера осталась в нем на всю жизнь. А проявлялась она, пожалуй, в двух вещах: в неистребимом писательском любопытстве, нередко подвергавшем его опасности, и в скрытности, склонности к разного рода мистификациям. Подобные свойства натуры Бабеля отмечали многие люди, его знав-

шие. О том и о другом вспоминал Илья Эренбург:

Очки не могли скрыть его необычайно выразительных глаз, то лукавых, то печальных. Большую роль играл и нос – неумоимо любопытный. Бабеля хотелось все знать: что переживал его однополчанин, кубанский казак,

когда пил два дня без просыпу, и в тоске сжег свою хату [речь идет о красноармейце Прищепе, одном из прототипов и героев *Конармии*. – Е. П.]; почему Машенька из издательства Земля и фабрика, наставив мужу рога, начала заниматься биомеханикой, какие стихи писал убийца французского президента белогвардеец Горгулов; как умер старик бухгалтер, которого он видел один раз в окошке издательства Правда; что в сумочке парижанки, сидящей в кафе за соседним столиком [...] – словом, все мельчайшие детали жизни.

Все ему было интересно, и он не понимал, как могут быть писатели, лишенные аппетита к жизни [...]

Он любил прятаться, не говорил, куда идет; его дни напоминали ходы крота. В 1936 году я писал об Исааке Эммануиловиче: “Его собственная судьба похожа на одну из написанных им книг: он сам не может ее распутать. Как-то он шел ко мне. Его маленькая дочка спросила: ‘Куда ты

идешь?’ Ему пришлось ответить; тогда он передумал и не пошел ко мне...” (Эренбург 2005: 512, 518).

Если писательскому любопытству, вкусу и “аппетиту к жизни” мы обязаны лучшими произведениями Бабеля, в том числе *Конармией*, то стремление утаить правду даже в повседневных делах и мелочах сильно затрудняет работу над научной биографией писателя. Положение осложняется и отсутствием его архива, изъятых во время ареста 15 мая 1939 г. и по сей день не найденного.

На поведение в быту Бабель словно старался перенести свой писательский метод. Ведь придавая каждому рассказу, в том числе автобиографического цикла, характер фактографической точности и подлинности, он, всякий раз решая определенную художественную задачу, намеренно искажал одно-два события, смещал одну-две даты, один-два топонима. В то же время всегда, за крайне редким исключением, он в своих письмах аккуратно проставлял дату и место, откуда они отправлены. Нечасто его письма проясняют какую-либо литературную или житейскую си-

туацию. И тем не менее все сохранившееся эпистолярное наследие Бабеля требует особого внимания: по письмам несложно выстроить хронологию его местонахождений и передвижений в разные отрезки времени, что для биографии тоже немаловажно.

Большую роль в создании разного рода мифов и легенд вокруг биографии Бабеля сыграла мемуарная проза К. Паустовского, в первую очередь повесть *Время больших ожиданий*, посвященная Одессе (1959). Магия созданного Паустовским образа такова, что цитатами из этого произведения нередко подкрепляются даже научные аргументы. Что неудивительно. Паустовский сумел запечатлеть отношение автора *Конармии* и *Одесских рассказов* к литературе, невероятную требовательность к себе и своему творчеству. Между тем, сложно представить, чтобы Бабель в дружеской беседе произносил многословные тирады о писательском труде и творческом процессе, которые 'приводит' Паустовский. К тому же заведомо придуманные истории подрывают доверие ко всему остальному повествованию. Взять хотя бы фрагмент о том, как в редакции газеты *Моряк* в 1921 г. Бабель будто

бы рассказывал, "как был в последней парижской квартире Мопассана" и "со вкусом упоминал о топографии Парижа" (Воспоминания о Бабеле 1989: 12). Но ведь Бабель впервые поехал в Париж летом 1927 г., да и квартира Мопассана с "нагретыми солнцем розовыми кружевными абажурами" (Воспоминания о Бабеле 1989: 12) не сохранилась. Или история со стариком-наводчиком Циресом, у которого якобы поселился Бабель для изучения на Молдаванке быта и нравов будущих персонажей *Одесских рассказов*. На самом деле Паустовский поместил Бабеля в его же новеллу *Справедливость в скобках* (1921), немного изменив сюжет и переименовав главного героя (у Бабеля – Цудечкис).

Мы не можем строить биографию писателя, основываясь на воспоминаниях, подобных мемуарам Паустовского, или на произведениях самого Бабеля. Следовательно, одной из главных задач научного жизнеописания должно стать разделение действия, происходящего в рассказах, и реальных биографических событий. В то же время интересно проследить, как подлинные события преломляются в художественной прозе Бабеля.

Показательны в этом плане условно автобиографические рассказы о детстве. Так, например, в *Истории моей голубятни* и *Первой любви* все события по отношению к реальной жизни писателя сдвинуты на один год: “Мне было девять лет, когда отец посулил дать денег на покупку тесу и трех пар голубей. Тогда шел тысяча девятьсот четвертый год. Я готовился к экзаменам в приготовительный класс Николаевской гимназии”.

Отмечу сразу, что в реальной жизни Бабель начинал свое обучение не в гимназии, а в Николаевском коммерческом училище. Гимназия появляется в рассказе для усиления драматической коллизии: процентная норма для евреев в коммерческом училище была довольно высокой и составляла пятьдесят процентов, в гимназии же эта норма была значительно ниже, – но все же не пять, как говорится в рассказе Бабея (“...из сорока мальчиков только два еврея могли поступить в приготовительный класс”), а – в черте оседлости – десять процентов. В тот момент, когда он готовился к вступительным экзаменам в училище, Бабелю действительно было девять лет. Однако шел тогда не 1904, а 1903 г. В ноябре этого года

проходил первый набор в Николаевское коммерческое училище имени С. Ю. Витте, в том числе в старший приготовительный класс. В *Приемной книге* училища за № 52 записан Исаак Бабель, родившийся в 30 июня 1894 г., в г. Одессе, “вероисповедания иудейского, звания – сквирский мещанин, до поступления в училище обучался дома” (ГАНУ. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1). Бабель сдал на ‘пятерки’ три устных экзамена – по Закону Божию, русскому языку и арифметике, но не был принят за недостатком вакансии. 20 апреля 1904 г. отец будущего писателя подает прошение на имя директора училища с просьбой вновь допустить его сына к экзаменам. В 1904 г. по результатам приемных экзаменов решением педагогического комитета от 23–24 августа Бабель принят в первый класс (подробнее см. Погорельская 2013: 157–161).

Если факт поступления Бабея не в гимназию, а в коммерческое училище хорошо известен, то даты из рассказов попали даже в хронику жизни писателя. Так, У. Спектор называет датой его поступления в училище 20 сентября 1905 г. (см. Спектор 1989: 421), а это не что иное как цитата из рассказа *История моей голубятни*: “Двадцатого сентяб-

ря тысяча девятьсот пятого года в гимназии вывешен был список поступивших в первый класс. В таблице упоминалось и мое имя”. Вымышленная дата – 20 сентября – понадобилась писателю для ‘симметрии’ с датой подлинной – 20 октября 1905 г., одним из дней страшного еврейского погрома в Николаеве. Именно через месяц после начала учебы героем рассказа вспомнил об обещании отца дать денег на голубятню: “Мы месяц привыкали к пеналу и к утреннему сумраку, когда я пил чай на краю большого освещенного стола и собирал книги в ранец, мы месяц привыкали к счастливой нашей жизни, и только после первой четверти я вспомнил о голубях”. С подлинной датой 20 октября тоже все обстоит непросто. Основные события еврейского погрома в Николаеве действительно происходили 19 и 20 октября, только в реальности 20 октября (по новому стилю – 2 ноября) 1905 г. приходилось не на воскресенье, а на четверг: здесь Бабель совмещает подлинную дату погрома и единственный день недели, когда герой мог отправиться на Охотницкую за голубями¹.

¹ Надо заметить, что Охотницкой улицы или площади в Николаеве не существовало, а всякого рода торгов-

Смещены даты и в рассказе *Первая любовь*: во время погромов 1905 г. герою было десять лет, Бабелю – одиннадцать. Факт и вымысел соседствуют не только в отношении дат, но и в отношении персонажей. В финале рассказа, как о живом, говорится о дедушке писателя по отцовской линии, названо его имя: “Мы выехали утром на пароходе, и уже к полудню бурые воды Буга сменились тяжелой зеленой волной моря. Передо мной открывалась жизнь у безумного деда Лейви-Иццока, и я навсегда простился с Николаевом, где прошли десять лет моего детства”.

Между тем, Лейб-Иццок Бобель (настоящая фамилия семьи) умер в Одессе за год до рождения внука Исаака, 14 июня 1893-го². Сомнение по-

ля проходила на Базарной площади. Охотницкая ‘перекочевала’ в этот рассказ из Одессы и из рассказа Бабеля *Любка Казак. Охотницкий*, или *Охотницкая* – другое название Староконного рынка в Одессе. Эти обстоятельства заставляют усомниться в автобиографичности основного события *Истории моей голубятни*.

² В рассказах на тему ‘одесского’ детства, опубликованных в 1931 г., – *В подвале* и *Пробуждение* – Бабель вывел яркий образ своего деда, которого не знал. А новелла *Гедали* из конармейского цикла начинается так: “В субботние кануны меня томит густая печаль воспоминаний. Когда-то

этому вызывает и существование в реальной жизни двоюродного деда Шойла, убитого во время погромов³.

А вот фраза о десяти годах детства, прошедших в Николаеве, соответствует действительности. Давно известно, что из Николаева в Одессу Бабель вернулся в самом конце 1905 г., а в январе 1906-го поступил во второй класс Одесского коммерческого училища. В кратком *Curriculum vitae*, написанном Бабелем – вольнослушателем Киевского коммерческого института 31 августа 1915 г., сказано: “До 1½ лет жил в г. Николаеве...” (ГАК. Ф. 143. Оп. 7. Д. 239. Л. 10). Но когда именно после рождения Исаака 30 июня (по старому стилю) 1894 г. и до рождения в июле 1897 г. младшей сестры Марии семья перебралась в Николаев, мы долгое время не знали. Согласимся, что три года слишком большой срок

в эти вечера мой дед поглаживал желтой бородой томы Ибн-Эзры”.

³ Поскольку не сохранилось практически никаких документов, связанных с родословной Бабеля по отцовской линии, невозможно доказать и существование дяди Симона из рассказов *История моей голубятни* и *В подвале*. А вот “дядька [...] Лев, брат отца”, полагаю, в какой-то мере ‘списан’ с шурина Бабеля Льва Гронфайна, уехавшего, как и бабелевский персонаж, в Америку и жившего в Калифорнии.

для хронологии жизни писателя. Я надеялась по каким-либо косвенным данным сократить его хотя бы наполовину. Мне удалось это сделать в 2012 г., в Государственном архиве Николаевской области (ГАНО).

Итак, Исаак был третьим ребенком в семье. Первенец Бабелей Арон родился и через восемнадцать дней умер в июне 1891 г. Летом следующего года у них родилась дочь Анна, которая умерла в Николаеве, однако произошло это в июне 1898 г., то есть после рождения Марии. И все же неожиданный ответ нашелся именно в Метрических книгах Николаевского раввината. В книге о родившихся в Николаеве в 1895 г. под номером 343 (для лиц женского пола) сделана запись о рождении 1 декабря Иды Бобель: “Отец запаса армии из мещан г. Сквиры Киевской губ. Мань Ицкович Бобель, мать Фейга. Дочь Ида” (ГАНО. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1480). Умерла девочка в возрасте шести месяцев – 14 июня следующего года (там же, д. 1503). Стало ясно, что Бабель с родителями переехал в Николаев не позднее ноября 1895 г. Таким образом, будущий писатель действительно прожил в Николаеве примерно десять лет, и это подтверждено доку-

ментально (подробнее см. Погорельская 2013: 153–156).

Автобиография Бабеля написана в основном по тому же принципу, что и ‘автобиографическая’ проза. В качестве примера приведу цитату об учителе французского языка в Одесском коммерческом училище мсье Вадоне: “Он был бретонец и обладал литературным дарованием, как все французы”. На самом деле Александр Вадон (1870?–1933) бретонцем не был, а родился, как и все Вадоны, в Херсоне. Более далекие его предки происходили не из Бретани, а из Прованса (см. Бинов 2003: 46).

Подобным образом в *Автобиографии* можно прокомментировать немало. Но, пожалуй, самым важным является фрагмент о семи годах – с 1917 по 1924, – когда Бабель, по совету М. Горького, ушел “в люди”: “За это время я был солдатом на Румынском фронте, потом служил в Чека, в Наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года, в Северной армии против Юденича, в 1 Конной армии, в Одесском губкоме, был репортером в Петербурге и в Тифлисе, был выпускающим в 7 советской типографии в Одессе и проч. и проч.”

Если с Первой Конной армией, Одесским губкомом (Бабель, в частности, служил заведующим редакционно-издательским подотделом Губотдела печати), репортерством в Петрограде (газета *Новая жизнь*) и Тифлисе (газета *Заря Востока*) все ясно, если от участия “в продовольственных экспедициях” остался самый документированный его рассказ *Иван-да-Марья* (1932), то о Румынском фронте, службе в ЧК, Наркомпросе и “в Северной армии против Юденича” нам ровным счетом ничего не известно.

По свидетельству сестры писателя, он был призван в армию в октябре 1917 г., но вскоре заболел (см. Stora-Sandor 1968: 25–26). Согласно документам, Бабель был призван в “ратники ополчения второго разряда” (ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 432. Л. 14) еще в 1915 г., но как студент Петроградского психоневрологического института получил отсрочку. 21 февраля 1917 г. институтский врач выдает Бабелю справку о том, “что он страдает катаром верхушки правого легкого, вследствие чего нуждается в специальном и длительном лечении в санатории” (там же, л. 16). Однако ни свидетельство сестры, ни реальные документы на вопрос о

пребывании Бабеля на Румынском фронте ответа не дают.

Г. Фрейдин считает, что не представляется вероятным и утверждение писателя, что тот “отправился воевать в ‘Северной армии против Юденича’ [...] ‘Северной армией’ именовалась как раз армия Юденича (точнее, ‘Северный корпус’) [...] Вряд ли участник обороны Петрограда мог бы так оговориться” (Фрейдин 2016: 427–428).

Продолжение истории о ЧК находим в рассказе *Дорога* (1932), героя которого “сделали переводчиком при Иностранном отделе”. Действие рассказа относится к 1918 г., но никакого Иностранного отдела в ту пору в ЧК не существовало (подсказано Г. Фрейдиным). Нельзя исключить, что работа в ЧК является выдумкой писателя, служившей ему до поры до времени своего рода ‘охранной грамотой’. По крайней мере, ‘служба в ЧК’ – это сильное преувеличение⁴.

Когда речь идет о трактовке художественного текста, то

здесь возможны смелые интерпретации, сопоставления, гипотезы и выводы. Но при создании научной биографии домысливать что-либо, строить не основанные на четких и конкретных фактах версии, заполнять лакуны собственной фантазией ни в коем случае нельзя. Более того, все ‘белые пятна’ или открытые вопросы, по моему глубокому убеждению, мы не должны обходить молчанием, а, наоборот, необходимо их все в жизнеописании обозначить.

Таким ‘белым пятном’ являются, например, точные сроки пребывания Бабеля в Первой Конной армии. Дневник писателя, который он вел во время советско-польской войны 1920 г., сохранился не полностью. Мы располагаем записями за два с половиной месяца – с 3 июля по 15 сентября. Ни о каком другом периоде его жизни нам не известно настолько подробно, как об этом времени: о его передвижениях, о быте и круге общения, о переживаниях и духовных поисках, об обязанностях, которые он выполнял в Первой Конной. Причем об всем этом мы узнаем из первых рук. Ведь дневник писался не для посторонних глаз, не предназначался для печати, и ему, в отличие от рассказов и *Автобиография*

⁴ На встрече с участниками посвященной Бабелю конференции в июне 2014 г. начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России В. Христофоров официально заявил о том, что после многочисленных проверок установлено: Бабель ни в одном из списков сотрудников ЧК, ГПУ, НКВД не значится.

фии, можно полностью доверять. Но вот когда Бабель поступил в армию С. Буденного и когда оттуда выбыл, остается пока невыясненным. Мы знаем только, что поначалу он находился при штабе армии. Известна и точная дата его перевода в 6-ю кавалерийскую дивизию – 24 июня 1920 г., зафиксированная в справке секретариата Реввоенсовета Конармии о снятии его с довольствия в столовой Штаба армии. Более того, в этой справке указана и настоящая фамилия *Бабель*, и конармейский псевдоним *Люттов*, но без инициалов (см. Левин, Погорельская 2013: 188).

В то же время во многих, даже вполне серьезных, работах о Бабеле можно прочесть о том, что писатель отправился в Первую Конную с удостоверением ЮгРОСТА⁵ на имя Кирилла Васильевича Лютова. Такова легенда. Но, во-первых, никакого удостоверения не сохранилось, во-вторых, имя и отчество Лютова встречается лишь однажды – в рассказе *Чесники*. Свои же очерки в газете *Красный кавалерист* Бабель подписывал: *К. Люттов, К. Л., Л-в*.

⁵ Южное (Одесское) отделение Российского телеграфного агентства.

Следовательно, Кирилл Васильевич Люттов – это герой *Конармии*, но не ее автор, а его конармейский псевдоним содержит только один инициал. Наверняка, у Бабеля, когда он отправился к Буденному, был на руках удостоверяющий его личность документ, скорее всего именно от ЮгРОСТА, но вот на какое имя этот документ был выписан, нам неизвестно.

Помимо названных существует целый ряд проблем жизнеописания Бабеля, но даже перечислить их в рамках статьи не представляется возможным. А потому кратко наметим лишь несколько положений.

Особая деликатность требуется в освещении личной жизни писателя. Очень непросто складывались его отношения с первой женой, Евгенией Бабель (урожденной Гронфайн), в самом конце 1925 г. эмигрировавшей во Францию; в июле 1929 г. в Париже родилась их с Бабелем дочь Наталья. Еще мучительнее была его связь с Тамарой Кашириной, впоследствии женой писателя Вс. Иванова, которая в 1926 г. родила от него сына Михаила. В конце жизни Бабель обрел наконец семейный очаг. Его спутницей последних лет стала выдающийся инженер-конструктор Антонина Пи-

рожкова (в 1937 г. у них родилась дочь Лидия), но их союз был недолгим и оборвался с арестом и гибелью писателя. Она оставила замечательные воспоминания о муже, которые, с поправкой на возможные абберрации памяти, могут служить ценным источником о последних семи годах его жизни.

В качестве причины трагического конца Бабеля часто называют его близкое знакомство с женой наркома внутренних дел Н. Ежова Евгенией Хаютиной-Ежовой. Конечно, то, что Бабель находился с ней в контакте и посещал ее салон, т. е. был вхож в дом Ежова, определенную роль в этом сыграло. Между тем, это далеко не единственный контакт, который вменялся Бабелю в вину, и преувеличивать роль его связи с Ежовой нельзя.

Что касается обстоятельств ареста, пребывания писателя в тюрьме, следствия по его делу, то главными работами на эту тему поныне остаются работы С. Поварцова (см. Поварцов 1996) и В. Шенталинского (см. Шенталинский 2009).

Одной из причин ареста Бабеля послужили его долгие пребывания за границей, во Франции (ему, в частности, было предъявлено абсурдное обвинение в шпионаже в

пользу французской и австрийской разведок). Бабель трижды приезжал в Париж. Его первое пребывание во Франции в 1927–1928 гг. длилось четырнадцать месяцев, в 1932–1933-м он прожил там около года. На короткое время он приехал в Париж в 1935 г., на антифашистский Конгресс в защиту культуры, куда его и Б. Пастернака не хотели выпускать, и наверняка не выпустили бы, если б не настоятельное требование французских писателей. Во время этих поездок он бывал в Бельгии, где жили его мать и сестра, весной 1933 г. путешествовал по Италии.

Первым делом встает вопрос о том, почему Бабель не остался за границей, даже в столь любимой им Франции, почему всякий раз возвращался в Россию, в СССР. Этой проблеме посвящена объемная и глубокая статья Г. Фрейдина, которая так и называется – *Вопрос возвращения* (см. Фрейдин 1992).

Хочу добавить один штрих. Рассказ Бабеля *Улица Данте* завершается лирическим описанием вечернего парижского пейзажа глазами Дантона: “Здесь жил Дантон полтора столетия тому назад. Из своего окна он видел замок Консьержери, мосты, легко пере-

брошенные через Сену, строй слепых домишек, прижатых к реке...”

В свое время я попыталась выяснить причины соседства в этой новелле, в одной топографической точке, Данте и Дантона и отметила “символическую связь” финального описания “с трагической судьбой самого Бабеля” (Погорельская 2010: 301). А. Жолковский, в свою очередь, писал: “Подобно Дантону, ему [Бабелю] предстояло погибнуть от рук былых политических союзников. Спасло ли бы его в Европе тридцатых-сороковых годов изгнание по примеру Данте, остается гадать...” (Жолковский 2014: 226).

Таким образом, Бабель символически разделил судьбу оставшегося на родине политика Дантона, а не поэта-изгнанника Данте. Однако главная причина его неэмиграции была, на мой взгляд, как раз ‘поэтической’, т. е. ‘Дантовой’: только в России он мог оставаться настоящим писателем. Не вызывает сомнения искренность его строк из письма матери от 20 октября 1928 г.: “Несмотря на все хлопоты – чувствую себя на родной почве хорошо. Здесь бедно, во многом грустно – *но это мой материал, мой язык, мои интересы.* И я

все больше чувствую, как с каждым днем я возвращаюсь к нормальному моему состоянию, а в Париже что-то во мне было не свое, приклеенное. *Гулять за границей я согласен, а работать надо здесь*”⁶ (курсив мой. – Е. П.).

В настоящее время в соавторстве с С. Левиным мы готовим жизнеописание Бабеля для петербургского издательства *Vita Nova*. По нашему замыслу, оно будет состоять из десяти глав, предисловия и эпилога. Одна из важных тем, которую мы пытаемся раскрыть, – взаимоотношения Бабеля с литературными современниками. В его биографии можно назвать четыре ключевые фигуры. Это писатели М. Горький и В. Маяковский и критики А. Воронский и Вяч. Полонский. Если имена Горького, Воронского и Полонского возникают в разных частях книги, то почти вся информация, связанная с Маяковским, несмотря на хронологическую протяженность в семь лет, собрана воедино. Совсем недавно в архиве Гуверовского института и в частном собрании были выявлены три неопубликованных письма Бабеля, в

⁶ Письма Бабеля матери и сестре цитируются по ксерокопиям с автографа, хранящимся в архиве Гуверовского института.

которых содержится его отклик на смерть поэта (до сих пор было известно только одно письмо – от 27 апреля).

Ниже печатается посвященный Маяковскому фрагмент будущей книги, специально переработанный для данной статьи.

* * *

Бабель писал в *Автобиографии*, что началом литературной работы считает появление в журнале «Леф» рассказов *Соль*, *Письмо*, *Смерть Долгушова*, *Король* и др. Четвертый номер «Лефа» за август–декабрь 1923 г., где были напечатаны эти рассказы, вышел в свет в первых числах января 1924-го. Заявление Бабеля неверно с точки зрения библиографической: конармейские и одесские рассказы уже публиковались зимой и весной 1923 г. в *Известиях Одесского губисполкома...* и в приложениях к ним. А ранняя редакция рассказа *Король*, напечатанного в «Лефе», увидела свет в газете «Моряк» еще в 1921 г. К тому же «Леф» был далеко не первым столичным журналом, опубликовавшим рассказы Бабеля: они печатались в «Огоньке», в «Прожекторе», в «Красной нови».

И все же тому, что Бабель вел отсчет своей литературной

работы именно с «Лефа», несложно найти объяснение. Во-первых, до этого, как принято в периодике, в газетном или журнальном номере печаталось по одному, по два, максимум три рассказа, а Бабель, как известно, стремился к созданию новеллистических циклов и книг. В «Лефе» же появилось сразу восемь новелл. Помимо перечисленных в *Автобиографии*, в четвертом номере журнала были напечатаны рассказы *Прищеп*, *Начальник конзапаса* (под названием *Дьяков*), *Комбриг 2* (под названием *Колесников*) и *Как это делалось в Одессе*. Причем для рассказов *Дьяков* и *Колесников* это была первая публикация. Кроме того, здесь были помещены шесть новелл из книги *Конармия*. В истории бабелевских публикаций был еще один подобный случай, но немного позднее: в третьей книжке «Красной нови», за апрель–май 1924 г. было напечатано восемь конармейских рассказов. Л. Славин подытожил это так: «Для всей страны Бабеля открыл Маяковский» (Воспоминания о Бабеле: 1989: 8).

Однажды – было это в мае или в июне 1923 г. – находившийся в Москве Бабель пришел на квартиру поэта в Водопьяном

переулке, где тот жил вместе с Бриками. Ответственный секретарь «Лефа» П. Незнамов вспоминал, как в тот же день Маяковский и О. Брик предложили ему напечатать в «Лефе» его рассказы “большим куском” (Незнамов 1963: 370).

«Леф» публиковал на своих страницах талантливых авторов, творчество которых зачастую не соответствовало направлению и установкам журнала. Это хорошо осознавали участники группы. Н. Асеев, например, писал о том, что “Маяковский очень стремился объединить вокруг «Лефа» наиболее ярких писателей из тех, кто не боялся продешевить себя, сотрудничая в бедном средствами журнале” (Асеев 1963: 422).

«Леф на горе, на юру, его отовсюду видно” (Незнамов 1963: 370), – уговаривали Бабеля Маяковский и Брик.

Так в «Лефе» появились произведения Бабеля. По соседству с Бабелем, в том же номере, Маяковский поместил свою поэму *Рабочим Курска, добывшим первую руду*.

В кратком редакционном послесловии к рассказам Бабеля говорилось о том, что писатель начал свою литературную деятельность еще до революции, в журнале «Летопись», а революционные годы “провел

на юге России, частью в Одессе, частью в конной армии Буденного и на Кавказе”. И далее в послесловии подчеркивалось: “За это время им написаны две книги – *Конармия* и *Одесские рассказы*”.

А ведь до отдельных изданий этих книг было еще далеко!

Надолго прижились в быту лефовцев многие выражения из бабелевских рассказов. Во время карточной игры Маяковский “с полной рукой козырей любил говорить партнеру:

– А теперь, папаша, мы будем вас кончать.

И получал в ответ:

– Холоднокровнее, Маня, вы не на работе” (Незнамов 1963: 370)⁷.

Позже, отстаивая позиции Левового фронта искусств, Маяковский использовал факт лефовских публикаций Бабеля как аргумент в споре с оппонентами, а именно с Вяч. Полонским, но в то же время он защищал от нападок и самого Бабеля. Выступая 23 марта 1927 г. на диспуте *Леф или блеф*, поэт говорил:

“...Бабель три года тому назад приходил к нам в Москве с

⁷ Цитаты из рассказов *Письмо и Коль*.

маленькой кипочкой своих рассказов. Мы знаем, как Бабеля встретили в штыки товарищи, которым он показывал свои литературные работы. Первые говорили: 'Да если вы видели такие беспорядки в Конной, почему не сообщили, зачем вы это в рассказе пишете?' Другие говорили: 'Про что он пишет? Про небо, а на небе трипперов и без вас достаточно. Это что? Литература 'как хороши, как свежи были розы'? Нет, это не то'. Поэтому первое отношение было к Бабелю в штыки. После этого «Леф», – потому что «Леф» не идет по линии трафаретной критики, – напечатал самые лучшие рассказы Бабеля...” (Маяковский 1959: 328–329).

Еще до лефовской публикации Маяковский пропагандировал Бабеля за границей. По воспоминаниям сына Л. Андреева Вадима (с которым позднее Бабель будет общаться в Париже), на одном из выступлений Маяковского в Берлине в начале сентября 1923 г. произошло следующее: “На сцене Маяковский был один и весь вечер – не помню даже, был ли перерыв, – заполнил чтением своих стихов и разговорами с аудиторией, стараясь сломать неприязнь, что ему не всегда удавалось. Он начал свое выступление словами:

‘Прежде чем нападать на Советский Союз, надо вам послушать, как у нас пишут. Так вот – слушайте’, – и он превосходно прочел замечательный рассказ Бабеля *Соль*. Впечатление от этого рассказа было огромное” (цит. по Катанян 1985: 257).

Конечно, не всем мемуарам можно доверять. Возьмем, к примеру, свидетельство другого русского литератора-эмигранта В. Сосинского. Ему почему-то запомнилось, как в Париже вместе с Бабелем он дважды ходил на выступления Маяковского и как оба раза Бабель просидел у Маяковского за кулисами (см. Поварцов 2012: 32). Такого быть не могло, потому что доподлинно известно, что во время первого пребывания Бабеля в Париже, с июля 1927 г. по сентябрь 1928-го, Маяковский во Франции не был, а ездил с выступлениями по городам Советского Союза⁸.

Что же касается мемуаров В. Андреева, то яркий и показательный эпизод, приведенный выше, вряд ли мог быть

⁸ В 1927 г. Маяковский находился в Париже с 29 апреля по 9 мая, известно его выступление в кафе *Вольтер* 7 мая; в 1928 году он был там с 15 октября по 3 декабря и вновь выступал в кафе *Вольтер* — 7 ноября (см.: Катанян 1985: 385–387, 444–446).

придуман двадцатилетним тогда поэтом или сильно исказился в его памяти⁹. И произошло это именно в 1923 г., так как в сохранившихся отчетах о берлинских выступлениях Маяковского весной 1924 г. ни о чем подобном речи не идет, а сам В. Андреев в 1924 г. из Берлина уехал.

В повести *Алмазный мой венец* В. Катаев, назвав Бабеля “конармейцем”, а Маяковского – “Командором”, изложил свою версию: “Он [конармеец] сразу же и первый среди нас прославился и был признан лучшим прозаиком не только правыми, но и левыми. «Леф» напечатал его рассказ *Соль*, и сам Командор на своих поэтических вечерах читал этот рассказ наизусть и своим баритональным басом прославлял его автора перед аудиторией Политехнического музея, что воспринималось как высшая литературная почеть...” (Катаев 1981: 210).

Об очень теплом отношении Маяковского к Бабелю свидетельствуют и другие современники. Вот что, например, вспоминал в 1930 г., после смерти поэта, С. Кирсанов:

⁹ Выступление Маяковского, о котором рассказал В. Андреев, проходило недалеко от Потсдамерплац на Лейпцигерштрассе.

1923 год. Одесса. Из вагона выходит крупный человек с папиросой, втянутой до табака.

– Вы – товарищ Маяковский?

– Да, я. [...]

– Привет, Бабель! Люблю вас, Бабель. А вот молодой отпрыск Лефа Кирсанов.

(Сидят, разговаривают. Маяковский открывает книгу на *Облаке* [поэма Маяковского *Облако в штанах*. – Е. П.]) (Кирсанов 1997).

Кирсанов здесь не совсем точен. Приехал поэт в Одессу не в 1923 г., а 20 февраля 1924-го. В тот же вечер состоялось его выступление в Северном театре, а на следующий день «Вечерние известия» поместили беседу с ним под заголовком *Вл. Маяковский об искусстве вообще и Лефе в частности*. Среди новостей левого фронта Маяковский назвал подготовку “5-й книжки «Лефа», посвященной Ленину, в которой будет напечатан рассказ И. Бабеля” (Маяковский 1961: 220). В пятом номере «Лефа», вышедшем в свет после 21 мая 1924 г., был напечатан рассказ из конармейского цикла *Мой первый гусь*. Да и вряд ли Маяковский во время беседы во-

обще брал в руки книгу, это скорее написано для создания атмосферы, образа (“Это было, было в Одессе”).

В феврале 1924 г. Маяковский побывал у Бабеля дома на Рيشельевской улице, 17, и Бабель познакомил его со своими родными. А перед отъездом из Одессы, 23 числа, поэт устроил прощальную вечеринку у себя в номере, на которую пригласил Бабеля. По словам хорошей знакомой Бабеля, киевской писательницы и переводчицы Т. Стах, жившей в 1924–1926 гг. в Одессе, летом 1926-го писатели вновь увиделись в родном городе Бабеля. “Дважды они встречались у нас дома, – вспоминала Стах. – Речь шла о Горьком, об Айседоре Дункан. *Маяковский при разговоре с Бабелем нежно трогал его плечо, внимательно слушал его тихий голос. Он все больше укреплялся в своей любви к Исааку Эммануиловичу*” (курсив мой. – Е. П.) (цит. по Спектор 1983).

И в этом случае мемуариста подвела память. Летом 1926 г. Бабель и Маяковский не могли встречаться в Одессе. Бабель находился там с 26 мая по 15 июня, затем на несколько дней уезжал в Харьков, а 19 июня вернулся в Москву. Маяковский того же 19 июня выехал как раз в обратном

направлении – из Москвы в Одессу (см. Катанян 1985: 345). Встреча на квартире Стах могла состояться или в том же феврале 1924 г., или не в Одессе и в другое время. Но важнее всего эмоциональная составляющая этих мемуаров – об очень теплом отношении Маяковского к Бабелю и о том, что поэт эти чувства не прятал.

О подобных внешних проявлениях со стороны Бабеля по отношению к Маяковскому свидетельств не сохранилось. Вероятно, Бабель был человеком более сдержанным. Тем не менее глубокая симпатия была взаимной.

Вот что рассказывал С. Гехт:

Когда Бабель услышал о самоубийстве Есенина, на лице его сделалось то выражение растерянности, какое бывает у очень близорукого человека, неведомо где позабывшего свои очки. Таким оно было только в первые минуты, и уже не растерянность отражало оно несколько времени спустя, а возмущенное недоумение [...] несправедливостями судьбы и несовершенством законов на земле [...] Такими же были глаза Бабеля,

когда он узнал о самоубийстве Маяковского (Гехт 2010: 298–299).

Маяковского не стало 14 апреля 1930 г. В это время Бабель находился в Москве. Через два дня после самоубийства поэта, 16 апреля, он написал о своем состоянии жене в Париж: “Я душевно так измучен смертью В. М., что не смогу много написать. Две ночи не спал, все стоит перед глазами мертвое лицо – и все, что с этой смертью связано”. И тотчас же: “После трехлетнего перерыва пришлось войти в московский литературный мир, в литературную лавочку – и решение никогда с ним не знаясь укрепилось во мне навсегда”. А закончил письмо сообщением: “Хоронят М. завтра. Душа маленько угомонится – напишу”.

Тело Маяковского было выставлено для прощания в Клубе писателей на улице Воровского с позднего вечера 14 апреля (по хронике – с полуночи). Три дня поэта не хоронили – ждали возвращения Бриков из-за границы. В записке сестре, отправленной также 16 апреля, Бабель поясняет: “Ты не будешь на меня в претензии, если я напишу коротко. Ужасные дни. Вчера и по-

завчера дежурил у гроба В. М. Чудовишно”.

Потрясение было тяжелым, душа долго не могла “угомониться”, и еще в двух письмах подряд матери и сестре в Бельгию Бабель вновь возвращается к трагическому событию. Вот красноречивое признание из письма от 21 апреля: “Мы пережили здесь грустные дни из-за смерти Маяковского. Вся жизнь как-то сломалась и с трудом мы входили в норму; *ни работать, ни радоваться весне нельзя было*” (курсив мой. – Е. П.). И еще через несколько дней, 27 апреля:

[...] все у меня благополучно, работаю, чувствую себя очень хорошо, смерть В. М. внесла только смятение. Основная причина, как говорят, неудачная любовь, но, конечно, тут есть и годами накопленная усталость. Разобрать трудно, п. ч. предсмертное письмо его не дает никакого ключа. Мама, верно, помнит, как он, громадный и цветущий, приходил к нам еще в Одессе... Чудовищная смерть.

Но что могли означать слова из первого приведенного письма: “[...] все, что с этой смертью связано”? Когда Бабель дежурил в Клубе писателей, он, вероятно, видел рядом с собой представителей того “московского литературного мира”, “литературной лавочки”, с кем так не хотел встречаться и кто мог быть в какой-то степени повинен в смерти Маяковского. Ведь и у поэта при жизни, как у него самого, была репутация “по-

путчика”; вступление в конце жизни Маяковского в РАПП ничего не изменило, пожалуй, только усугубило ситуацию – от него отвернулись друзья-лефовцы. Но особенно горьким было осознание потери большого поэта и совсем еще молодого человека, к которому Бабель испытывал глубокую душевную приязнь.

Библиография

Асеев 1963: Н. Асеев, *Воспоминания о Маяковском* // Н. Реформатская (сост.), *В. Маяковский в воспоминаниях современников*, Художественная литература, М., 1963, с. 392–432.

Бинов 2003: М. Бинов, *Учитель Бабеля* // «Дерibasовская – Ришельевская», 2003, XIV, с. 44–48.

Воспоминания о Бабеле 1989: А. Пирожкова, Н. Юргенева (сост.), *Воспоминания о Бабеле*, Книжная палата, М., 1989.

Гехт 2010: Гехт С., *Избранное: Стихотворения. Проза. Воспоминания*, Optimum, Одесса, 2010.

Жолковский 2014: А. Жолковский, *Улица Данте: Топография, топонимика и топика парижской новеллы Бабеля*, «Новое Литературное Обозрение», 2014, СXXX, 6, с. 216–230.

Катаев 1981: В. Катаев, *Алмазный мой венец: Повести: Советский писатель*, М., 1981.

Катанян 1985: В. Катанян, *Маяковский: Хроника жизни и деятельности*, Изд. 5-е, Советский писатель, М., 1985.

Кирсанов 1997: С. Кирсанов, *Что помню* // «Книжное обозрение», 1997, 28 окт.

Левин, Погорельская 2013: С. Левин, Е. Погорельская, “Во время кампании я написал дневник...”: *Пространственно-временные ко-*

ординаты в Конармии и конармейском дневнике Исаака Бабеля, «Вопросы литературы», 2013, V, с. 166–202.

Маяковский 1959: В. Маяковский, *Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917 – 1930* // В. Маяковский, *Полное собрание сочинений в 13 тт.*, Художественная литература, М., т. 12, 1959.

Маяковский 1961: В. Маяковский, *Письма и другие материалы* // В. Маяковский, *Полное собрание сочинений в 13 тт.*, Художественная литература, М., т. 13, 1961.

Незнамов 1963: П. Незнамов, *Маяковский в двадцатых годах* // Н. Реформатская (сост.), *В. Маяковский в воспоминаниях современников*, Художественная литература, М., 1963, с. 355–391.

Поварцов 1996: С. Поварцов, *Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля*, ТЕРРА, М., 1996.

Поварцов 2012: С. Поварцов, *Быть Бабелем*, Кубаньпечать, Краснодар, 2012.

Погорельская 2010: Е. Погорельская, «В дыму и золоте парижского вечера...» *Исторический и литературный контекст рассказа И. Бабеля Улица Данте*, «Вопросы литературы», 2010, I, с. 277–302.

Погорельская 2013: Е. Погорельская, *Комментарий к рассказу И. Бабеля История моей голубятни: Новые материалы к биографии писателя*, «Вопросы литературы», 2013, V, с. 149–165.

Спектор 1983: У. Спектор, *Маяковский и Бабель*, «Вечерняя Одесса», 1983, 3 сентября.

Спектор 1989: У. Спектор, *Краткая летопись жизни и творчества Исаака Эммануиловича Бабеля* // И. Бабель, *Пробуждение: Очерки, рассказы, киноповесть, пьеса*: Мерани, Тбилиси, 1989, с. 421–430.

Фрейдин 1992: Г. Фрейдин, *Вопрос возвращения II: “Великий перелом” и Запад в биографии И. Э. Бабеля 1930-х годов* // L. Fleishman, G. Freidin, R. S. Schupbach (eds.), *Literature, Culture and Society in the Modern Age: in Honor of Joseph Frank*, «Stanford Slavic Studies», IV, 2, 1992, pp. 190–240.

Фрейдин 2016: Г. Фрейдин, *Сидели два нищих, или Как делалась русская еврейская литература: Бабель и Мандельштам* // Е. Погорельская (сост.), *Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. Сборник материалов Международной научной конференции в Государственном литературном музее 23–26 июня 2014 г.*, Книжники, изд-во “Литературный музей”, М., 2016, с. 419–451.

Шенталинский 2009: В. Шенталинский, *Прошу меня выслушать: Исаак Бабель* // В. Шенталинский, *Рабы свобод*, Прогресс-Плеяда, М., 2009, с. 9–96.

Эренбург 2005: И. Эренбург, *Люди, годы, жизнь, Книги первая, вторая, третья*, Текст, М., 2005.

Stora-Sandor 1968: J. Stora-Sandor, *Isaac Babel': L'homme et l'œuvre*, Editions Klincksieck, Paris, 1968.